

зьявами» в лице колхозов, совхозов, МТС и др., Великая Отечественная война... Сегодня на просторах Псковщины, как и всей страны, можно видеть лишь «островки» и «осколки» исчезнувшей красоты.

Источники и литература

1. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин /. – Т. 31.
2. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин /. – Т. 35.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 1. 1917 – 1927 гг. – М. : Госполитиздат, 1957.
4. Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии. 1917 – 1918 гг.: Сборник документов. – Псков: Изд. газ. «Псковская правда», 1957.
5. Иванов, С. А. Красный Октябрь на Псковщине / С. А. Иванов. – Л.: Лениздат, 1984.
6. Космачев, К. Н. Коммунистическая партия – руководитель социалистической революции в деревне (1918 г.) / К. Н. Космачев. – Смоленск, 1970.
7. 1917 год в деревне: Воспоминания крестьян. – М.: Политиздат, 1967.
8. 1917 год в деревне. – Л.: Госиздат, 1929.
9. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 14.
10. Газета «Псковский вестник». – 1918.
11. Газета «Псковский набат». – 1917.
12. Газета «Псковский набат». – 1919.
13. Газета «Псковский набат». – 1920.
14. Газета «Псковский набат». – 1922.
15. Волков, Ф. Г. Луначарский в Пушкинском заповеднике / Ф. Г. Волков // Луначарский А. В. Материалы и исследования. – Л., 1968.
16. Хозяйственный план на 1920/21 г.: Землеустройство и сельскохозяйственные мероприятия. – Псков, 1920.
17. Лацис, М. И. Советские хозяйства / М. И. Лацис. – М.-Л., 1926.
18. ГАПО. – Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 481.
19. ГАПО. – Ф. Р-381. Оп. 2. Д. 3.
20. ГАПО. – Ф. Р-381. Оп. 2. Д. 8.
21. Орлов, В. В. Исчезнувшая красота / В. В. Орлов // Материалы исторических чтений Великолуцкого городского краеведческого общества. – Великие Луки, 1995.
22. Митрофанов, А. Х. Революционное земельное законодательство 1917 – 1920 гг. / А. Х. Митрофанов // Сельскохозяйственная жизнь. – 1922. – № 7.
23. Розов, Н. Г. Ожерелье Псковской земли: Дворянские усадьбы. Изд. 2-е. – Михайловское-Псков, 2008.
24. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). – Ф. 482. Оп.2. Д. 105.

1917 ГОД В СУДЬБЕ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ РОМАНОВОЙ-КУЛИКОВСКОЙ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ В ПЕРИОД КРУШЕНИЯ ДИНАСТИИ?

О.В. Чуракова

Архангельск, САФУ им. М.В. Ломоносова

Тема крушения монархии в России достаточно хорошо представлена в современной отечественной и зарубежной историографии, однако, и в ней немало исследовательских лакун. Так, до конца не изученными являются судьбы членов дома Романовых в роковом для них 1917 году (на начало года в семье было 32 представителя династии). Кроме того, даже в столь трагический для Романовых период в персональной истории венценосных особ были исторические казусы:

например, некоторые из них обрели личное счастье именно в тот год. Одним из подобных персонажей являлась великая княгиня Ольга Александровна (1882-1960) – сестра Николая II.

Прежде всего, следует отметить, что Ольга была порфирородной (единственная из детей Александра III и Марии Федоровны) – она родилась, когда её отец уже занимал российский престол. Следовательно, статус великой княгини Ольги был несравненно выше, нежели большинства её родственников. К 1917 году Ольга была уже второй раз замужем. Первый брак княгини Ольги не был не только счастливым, но и «реальным»: супруг великой княгини принц Петр Ольденбургский был «нетрадиционной ориентации». Великую княгиню выдали замуж, исходя из династических интересов: «старшие» Ольденбургские стремились укрепить узы с домом Романовых [1, с. 360], а Мария Федоровна (мать Ольги) намеревалась подобным браком оставить дочь в России, «при себе». Семейные отношения в этом союзе не сложились и каждый из супругов жил своей собственной жизнью [2, л. 31-70]. Долгие годы у Ольги был «друг сердца» (ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка Николай Александрович Куликовский), однако, разрешение на расторжение брака с принцем Ольденбургским она получила от августейшего брата только в 1916 году. В ноябре 1916 года Ольга вышла замуж вторично – за Николая Куликовского. Таким образом, накануне 1917 года Ольга Александровна смогла соединить свою судьбу с любимым человеком.

Вступив во второй брак, Ольга рассталась со многими атрибутами «золотой клетки»: у нее сократился двор, она изменила личный герб. Как раз с решения вопроса о гербе и начался для Ольги новый 1917 год. По праву рождения Ольга Романова была обладательницей личной геральдики: в силу учреждения об Императорской фамилии дочерям и сестрам императора были предоставлены особые гербы, Большой и Малый. Когда Ольга сочеталась браком с принцем Петром Ольденбургским в 1902 году, рядом с российским гербом появилась гербовая символика принцев Ольденбургских. В 1916 году этот брак распался, и «ввиду состоявшегося расторжения брака В. К. Ольги Александровны и Его В. Пр. П. А. Ольденбургского» канцелярия двора Ольги обратилась «с просьбой об изменении большого и малого герба её императорского Высочества» [3, л. 7]. На высочайшее одобрение были представлены проекты преобразования гербов. Переписка затянулась на полгода, и лишь 7 января 1917 года разрешение на изменение дизайна герба было получено. «Камнем преткновения» служили всего лишь небольшие детали, например, наличие пальмовых ветвей в гербе великой княгини. Герольдмейстеры пытались выяснить у Ольги Александровны «не будет ли она настаивать на желании уничтожить пальмовые ветви» [3, л. 8-10]. Ольга (теперь уже Куликовская), вне сомнения, не противилась уничтожению пальмовых ветвей. Однако, обсуждение этого вопроса заняло много времени. 17 марта 1917 года на бланке МИД мы видим автограф Ольги на полях очередного эскиза герба: «Мне, конечно, все равно» [3, л. 9]. Таким образом, завершение этой истории пришлось на время, когда уже власти Романовых не существовало. Несколько ранее, 4 февраля 1917 года рисунок герба был высочайше утвержден российским государем [4, с. 153]. Это было одно из последних распоряжений императора Николая Александровича.

В дневниковых записях Ольги и ее ближайшего окружения (матери -Марии Федоровны, мужа ее сестры Ксении – Михаила Александровича) можно найти описание атмосферы тех дней, когда Николай Александрович отрекся от власти российского самодержца. Как справедливо отмечают исследователи данной темы, «1917 год отложился в представлениях и памяти членов семьи Романовых как ро-

ковой, а Февральская революция с ее социально-политическими последствиями ассоциировались в их сознании с «проклятьем», «ужасом», «катастрофой» [5]. Как писала в своих воспоминаниях двоюродная сестра экс-императора Николая Александровича Мария Павловна (младшая), Романовы в 1917 году ощущали, что «стояли на краю пропасти», «жили в ожидании несчастья», «в неизвестности и страхе», осознавали, что жизни членов семьи «балансируют между капризами и здравым смыслом соперничавших группировок» [6, с. 245-271]. Кстати, Мария Павловна также обрела личное счастье в 1917 году: она вышла замуж в августе, в дни так называемого «корниловского мятежа». «На руинах нашего старого мира мы рискнули попытаться счастья, начать новую жизнь.... Впервые в жизни я была ... очень счастлива», – признавалась Мария Павловна [6, с. 270].

Что касается событий конца февраля – начала марта 1917 года, то они были расценены всеми членами семьи как коллапс, катастрофа. Известие об отречении Николая Александровича в пользу брата Михаила поразило более всего вдовствующую императрицу. Мария Федоровна записала в своем дневнике 3/16 марта 1917 года: «Я в полном отчаянии! Подумать только, стоило ли жить, чтобы когда-нибудь пережить этот кошмар!» [7, с. 175]. Так же восприняла новость Ольга Александровна: «Известие об отречении Ники прозвучало для нас, как гром среди ясного неба. Мы были ошеломлены» [8, с. 163].

В феврале 1917 года Ольга находилась вместе с матерью в Киеве. Великая княгиня Ольга служила в Киеве медицинской сестрой в госпитале. До этого она работала в прифронтовом госпитале в Ковно. Приближенный императрицы Марии Федоровны, её денщик Тимофей Ксенофонтович Ящик свидетельствовал: «В ... семье не было никого, кто бы в своей жизни сталкивался с горем и несчастьем в такой степени, как и простые русские люди, кроме ... великой княгини Ольги». И он же вспоминает, что солдаты в госпиталях называли сестру императора «сестра Ольга» [9, с. 60]. Ольга, «натура незаурядная, романтическая», «обладала независимым характером, держалась особняком» [1, с. 358-359] от остальных членов большой семьи Романовых и всегда предпочитала общение с простыми людьми. В своем имении Ольгино, великая княгиня поддерживала вкладыми сельскую школу и созданный её попечением деревенский госпиталь, в котором работала и сама вместе с местным доктором. В период Первой мировой в своих письмах сестре Ксении Ольга пишет о страданиях больных и раненых солдат. Например, описывает глаза умирающего солдатика «Гришки – ангела»: «Я никогда не забуду ... его полные агонии и ужаса, широко распахнутые серые глаза... он так молод» [10, л. 25]. Ольга Александровна изредка сетует на бытовые условия госпитальной жизни, усталость, а в письмах к сестре в начале марта 1917 года раскрывает свой секрет: она ждет ребенка. Ассистировать на операциях ей становится все сложнее: «я чуть не упала во время операции и покинула мой пост ... ушла в тихое местечко и легла», «все утро чувствовала тошноту и слабость» [11, л. 57-83]. Тем не менее, несмотря на уговоры мужа уехать в деревню, она не оставляет своей службы, не желая «бросить дорогих солдат»: «один из них, только что прооперированный, просил меня все утро побыть с ним», «мне надо делать перевязки» [11, л. 83].

Однако, в начале марта 1917 года было то, что тревожило Ольгу и ее окружение более всего, – это судьба брата и его семьи: «How you been Nicky and Alix?» – звучало рефреном в ее письмах [11, л. 88, 90-91]. Ольге Александровне пришлось все же покинуть Киев и вместе с близкими перебраться в более безопасное место – в Крым. Причина тому – изменившееся отношение к Романовым со стороны служащих госпиталей и «народных масс»: солдат, матросов. «Сознание того, что

они теперь стали врагами, потрясло меня», – признавалась Ольга Александровна»[8, л.167]. Антидинастические настроения и психологическая природа их появлений хорошо проанализирована историками»[12].

Дальнейшее пребывание бывшей императрицы Марии Федоровны и ее дочерей – Ольги и Ксении с семьями, а так же некоторых других членов семьи Романовых в Крыму описано достаточно подробно в исторической литературе и источниках. Ольга Александровна родила в Крыму своего первенца, названного Тихоном в память о погибшем сослуживце мужа. Будучи не Романовой, а Куликовской по документам, она имела большую свободу передвижения, нежели другие представители династии, находящиеся буквально в заточении в своих Таврических имениях. Позднее (в 1919 году) Куликовские покинули Крым и переехали в станицу Новоминскую (в 1917 году – Екатеринодарский край), на родину деда Марии Федоровны Тимофея Ящика. В 1919 году у четы Куликовских родился еще один сын, названный Гурием. Именно в этот период, вдали от политических катаклизмов, вне рамок строго табуированной (конвенциональной) дворцовой культуры, порфирородная великая княгиня Ольга чувствовала себя поистине счастливой. Это подтверждают ее рисунки: всю оставшуюся жизнь княгиня с удовольствием рисовала цветущие сады и жителей южнорусской станицы.

После убийства царской семьи и великих князей, а также отъезда оставшихся в живых членов семьи за границу, великая княгиня Ольга Александровна оставалась единственной представительницей дома Романовых в России. Ее письма матери и дневники показывают, что она не хотела покинуть родину, считала это предательством по отношению к отчизне. Вынужденная все же покинуть Россию в 1920 году, она вторую половину жизни прожила в Дании и Канаде. В эмиграции Ольга Александровна шефствовала над образовательными и богоугодными учреждениями и организациями (детскими домами, больницами, богадельнями, женскими курсами). В годы Второй мировой войны семья Ольги помогала русским беженцам и эмигрантам. Вероятно, страдания, перенесенные Ольгой в годы революций 1917 года и последующей гражданской войны, не позволяли великой княгине остаться равнодушной к тем, кто оказался волею судеб в гуще событий в «минуты роковые».

Источники и литература

1. Анненкова Э.А., Голикова Ю.П. Принцы Ольденбургские в Петербурге/ Э.А. Анненкова, Ю.П. Голикова. – СПб.: Изд-во «Росток», 2004. – 480. с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 662. Оп. 1. Д. 203.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 552. Оп. 1. Д. 6.
4. Рисунок Большого герба Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, утвержденного 4 февраля 1917 года // Вилинбахов Г.В. Государственный герб России. 500 лет. СПб., – 1997. – 345 с.
5. Андреева Т. А. Образ революций 1917 года в сознании Романовых (по мемуарам и дневникам представителей династии) // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей / Редколлегия: М.Н. Барышников, А.В. Голубев и др.; отв. ред. М. В. Друзин. – СПб.; К.; Мн.: Санкт-Петербургский институт истории РАН; Институт истории Украины НАНУ Украины; Белорусский гос. ун-т, 2008. – 682 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru>. – Дата доступа: 01.01.2017.
6. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. – М: Захаров, 2004. – 512 с.
7. Дневники императрицы Марии Федоровны (1914-1920, 1923 годы) / Пер. с датского Ю.В. Кудриной, О. Н. Дудочкиной–Крог, А.Н. Чеканского; предисловие и комментарии Ю.В.Кудриной. – М.: Вагриус, 2006. – 704 с.

8. Мемуары великой княгини Ольги Александровны / Запись Я. Ворреса. – М.: Захаров, 2003. – 272 с.
9. Ящик Т. К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор – История», 2004. – 252 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).- Ф. 662. Оп.1. Д. 202.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 662. Оп.1. Д. 212.
12. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б.И. Колоницкий. – М: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЛОСТНОГО И СЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н.П. Никитина

Псков, Псковский государственный университет

События Великой российской революции, в том числе и касающиеся изменений в системе крестьянского управления привлекали внимание историков. В последние годы особое внимание уделяется региональному аспекту указанной проблематики [14; 11].

Крестьянское самоуправление в Псковской губернии получило своё законодательное оформление в ходе реформы 1861 г.: был сформирован сельский и волостной уровни. В Псковской губернии община, как поземельная организация, не совпадала с общинной, как административной единицей, т.е. сельским обществом. Сельское общество являлось более крупной единицей и включало в себя несколько общин. В среднем на одно сельское общество приходилось 1,5 общины. Кроме того, община в Псковской губернии также не совпадала в своих рамках с населенным пунктом. В среднем на одну общину приходилось по 3,6 населенных пунктов [12]. Накануне 1917 года крестьянское самоуправление на данной территории имело сложную структуру: 1) деревенский уровень самоуправления (селенные сходы и деревенские старосты); 2) сельское общество (сельские сходы и сельские старосты); 3) волостной уровень (волостные сходы, волостной старшина, волостное правление).

Последующая пореформенная эпоха в развитии России характеризовалась переходом от традиционного общества к индустриальному. В этих условиях происходил процесс трансформации сельского самоуправления. Он проявлялся в следующих моментах: укрепления значения деревенского уровня управления, большой значимости неформальных лидеров – деревенских старост; падением в глазах крестьян авторитета сельского старосты, который иногда воспринимается как проводник интересов государства и возрастанием роли зажиточных крестьян – кулаков. Роль «капиталистских» крестьян в принятии решений «миром» значительно возрастает и именно они в крестьянском сознании являются главными хозяевами сельского общества. Возрастает роль женщин в сельском самоуправлении они начинают принимать участие в сходах, активно выступают за передел земли по едокам, данная тенденция особенно усилилась в годы Первой мировой войны.

Революционные события февраля 1917 года отразились на деятельности крестьянского самоуправления. Уже 6 марта 1917 года Псковский губернатор Б.Д. Кашкаров разослал уездным исправникам, а те в свою очередь в волостные правления документ о необходимости снятия в учреждениях портрета Государя, отрекшегося от престола. Любопытно, что еще 4 марта Временное правительство